

Александр Александрович Малышев

Карина Флюровна Низамутдинова

Россия, Санкт-Петербургский государственный университет

Семантика и прагматика парцелированных конструкций в текстах социальных репортажей

Ключевые слова: парцелляция, экспрессивный синтаксис, стилистический приём, медиалингвистика, социальный репортаж, «Русский репортёр».

Key words: parcelling, expressional syntax, stylistic method, media linguistics, social report, “Russian Reporter”.

Abstract

In modern media speech, the problem of understanding the emotional and expressive semantics in the content side of the media language is acutely topical. Parcelling in media in the stylistic refraction is a publicistic speech “with violation of syntactic integrity and sentence connections, strongly intoned and as if broken into pieces” (G.N. Akimova). The journalistic style, which is the most conducive to the wide use of various means of expression, in the case of parcelled constructions receives an additional “linear intonation structure” (E.V. Paducheva), which overall increases the expressiveness of the reportage genre. Journalistic text differs from the strict classical framework of punctuation and is the most suitable environment for the full implementation of communicative effectiveness. In addition to the two main functions (emotionally emissive and compositional), parcelling performs the following functions: dynamic, pictorial, characterological, informational compression, evaluative, game, subtext, organization of new theme and rheme, logical and cognitive, semantic, explanatory (clarifying), summative, generalizing. In the social reports, there is the use of one dot or dots, question and exclamation marks or emphatic dash for parceling and hyphen for syllabic parcelling. The parcelled dissection of media text is always the result of the author’s conscious processing and has an “associative intermittent effect” on the recipient (S.G. Ilienکو), creating a kind of syntactic seam that preserves the coherent unity of the text and allows the journalist to update significant fragments of the material.

В современном медийном пространстве наблюдается активное слияние книжной и разговорной речи, что ведет к высокой частотности употребления экспрессивных средств выражения авторского «я» и всё более остро ставит проблему понимания «эмоционально-экспрессивной семантики» [Malinovič 1989: 79] в содержательной стороне языка СМИ. Языковой почерк современных журналистов является отражением их личных и профессиональных установок и эмоций. Одним из наиболее эффективных способов проявления авторской модальности в текстах массмедиа является парцелляция, посредством которой автор акцентирует внимание на определенном явлении и выражает своё к нему отношение [Kormilicyna 2003: 65; Vogoâvlenskaâ 2014, 2015]. Парцелляция в СМИ представляет собой публицистическую речь «с нарушением синтаксической цельности и связей в предложении, сильно интонированную и как бы разбитую на куски» [Akimova 1990: 90]. Важно отметить, что публицистический стиль, наиболее располагающий к широкому использованию различных речевых средств выразительности, в случае парцеллированных конструкций получает дополнительную «линейно-интонационную структуру» [Paduševa 2004: 120], повышающую общую жанровую экспрессивность репортажа.

Будучи одним из средств речевого воздействия, парцелляция рассматривается как на формально-синтаксическом, так и на функционально-синтаксическом уровнях. Так, Н.С. Валгина и Е.И. Иванчикова рассматривают парцелляцию в большей степени в «техническом» ключе [Valgina 2003: 289; Ivančikova 1977], а А.П. Сквородников и Ю.В. Богоявленская видят в ней приём коммуникативно-стилистической организации текста [Skovorodnikov 1980; Vogoâvlenskaâ 2014]. Различается и энциклопедическое понимание парцелляции: «Лингвистический энциклопедический словарь» обозначает парцелляцию как «особую форму представления предложения в тексте» [Ârceva 1990: 115], а «Стилистический энциклопедический словарь» трактует её как «стилистическую фигуру», при которой в ходе расчленения структура предложения находит воплощение в нескольких «интонационно-смысловых речевых единицах» (фразах) [Kožina 2003: 279]. Конечно, формальный и функциональный подходы к пониманию парцелляции обнаруживают точки соприкосновения и должны рассматриваться в совокупности, поскольку форма неотделима от содержания.

С точки зрения актуального членения предложения парцелляция представляет собой «средство выделения, усиления наиболее важной информации, т.е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров)» [Skovorodnikov 2014: 217]. При этом парцелляция сохраняет грамматическую и смысловую связь с основным высказыванием, приобретая особую интонационную независимость. Подобная синтактико-интонационная независимость позволяет, с точки зрения О.В. Юнгеровой, говорить о каждом парцелляте как о микротексте

в пределах макротекста [Ůngerova 2010]. Парцеллирование является, вероятно, наиболее ярким примером снижения речевой и синтаксической плотности информационного потока, «принципом постепенности передачи информации, согласно которому в каждом сообщении объём информации увеличивается» [ArutŮnova 1976: 376]. Приращение информации осуществляется по принципу присоединения новых смысловых блоков [Šmelĕva 1988: 7] – более незаметного при традиционном построении предложений, более явного – при парцеллировании.

Исследователи (Н.Д. Арутюнова, Ю.В. Богоявленская, Н.С. Валгина, Е.А. Вильчицкая, В.В. Виноградов, С.Г. Ильенко, М.Н. Кожина, Г.А. Золотова, Б.Ю. Норман и др.) по-разному определяют парцелляцию с синтаксической точки зрения, но сходятся во мнении, что этот интонационно-пунктуационный приём, придающий выделяемому элементу особый «интонационный контур» [Švedova 1970: 622] и создающий особую синтаксическую «аранжировку» текста [Moskal'skaĀ 1981: 145], способен выполнять важные стилистические функции в публицистической речи. Современные исследования языка массмедиа [Kopnina 2001; Cumarev 2003; Pinĕgina 2005], среди которых особо отметим цикл работ Ю.В. Богоявленской, доказывают, что семантическая структура парцеллированной фразы при внимательном прочтении журналистского текста позволяет очень точно и тонко передать авторское отношение к предмету материала.

Традиционно считается, что парцелляция, будучи яркой характерной чертой устной речи, способна привести значительную синтаксическую раскрепощённость и в письменную речь, стать не только средством письменной передачи живой речи, но и способом имитации живого общения – допустимость такого понимания была обоснована более полувека назад Н.Ю. Шведовой [Švedova 1960: 24–26]. В журналистском тексте использование парцелляции позволяет автору адаптировать и передать устную речь героев, не утратив при этом присущей ей эмоциональности. Она делает текст живым, «контактным», в том числе, по мнению Э.А. Зоидзе, и в аналитических газетных материалах [Zoidze 2012].

Репортаж – это публицистический журналистский жанр, объединяющий в себе оперативную подачу информации с её анализом. С информационными жанрами репортаж сходится в том, что событие отражается «в том виде, в каком оно происходило на самом деле», а с публицистикой – в «специфическом воспроизведении времени и пространства» [Krojĕik 2000]. С.М. Гуревич среди разнообразных с точки зрения содержания видов репортажа выделяет социальный репортаж, напрямую связанный с социальной журналистикой [Gureviĕ 2004], которую М.А. Бережная определяет как медийный ресурс социальной сферы, образовавшийся при участии журналистов в решении социальных вопросов [BerežnaĀ 2009]. И.М. Дзялошинский связывал социальную журналистику с самим предметом журналистской деятельности:

отличительным содержательным признаком «социальной журналистики» является привлечение читателей к проблемам общественной жизни [Džalošinskij 2002]. Для этого журналисты нередко обращаются к судьбе отдельного человека и описывают те социальные проблемы, с которыми ему приходится сталкиваться, с целью показать, что частный случай, наиболее злободневный и подверженный изменениям, является типичным примером общей ситуации [Frolova 2003: 44].

В социальном репортаже парцелляция позволяет усилить воздействие на адресата, с помощью формы акцентируя содержание наиболее важных фрагментов текста. Рассмотрим характерные случаи использования парцелляции на примере социальных репортажей в «Новой газете» (НГ) и журнале «Русский репортёр» (РР).

В публицистических текстах парцелляция, кроме традиционной экспрессивно-выделительной функции, зачастую выполняет композиционно-семантическую функцию [Skovorodnikov 1978], которая проявляется в следующем:

- 1) С помощью парцелляции усиливается пафос концовки: *Марс мог быть обитаем. А **потом** он стал таким суровым, как сейчас...* (РР. 2016. № 8); *Но мы уже два года живем в кризисной реальности, гламур умер, застой остался, и все это совершенно никак не отражается в книгах. А зря* (РР. 2016. № 8).
- 2) Парцелляция служит сигналом перехода к части, которая раскрывает суть описываемого явления: *Отчасти да. Но не только. И началось все не поэтому* (РР. 2016. № 8); *Увы, прекрасное не спасает. Прекрасное хорошо продаваемо. Прекрасное убиваемо. Прекрасное становится торфом для еще более восхитительного* (РР. 2016. № 10).
- 3) Парцелляция начинается новый отрезок повествования, в то время как базовая часть «заключает» предыдущий: *У этих революций были внутренние причины: демографический пик, накопление социальных противоречий, усталость от политического однообразия. Но важную роль все же сыграло и внешнее воздействие США, а именно сама идея демократизации* (РР. 2015. № 22).
- 4) Парцелляцией выделяется часть абзаца, которая станет темой следующего звена: *Я решил понять, как у нас велась работа в предыдущей администрации. **И оказалось**, что целой отраслью туризма занимался всего один молодой сотрудник!* (РР. 2015. № 24).
- 5) Парцелляция участвует в организации «интригующего зачина»: *Стемнело, но все еще не выяснен вопрос. Ехать или не ехать?* (РР. 2015. № 26).
- 6) Создание нового рематического центра (обычно с помощью союза): *В общем, дело могло принять самый драматический оборот. Но тут! Тут, слава богу, свою роль сыграл «поющий милиционер»* (РР. 2017. № 1).

Помимо двух основных функций (эмоционально-выделительной и композиционно-семантической) нами выделены следующие функции использования парцелляции в текстах социальных репортажей:

- А) Акцентирующая, связанная с концентрацией внимания на отдельных частях целого, своеобразной «раскадровкой», призванной выделить фрагменты общей «мозаики» текста.
- 1) Динамическая (замедление чтения с одновременным повышением экспрессивности каждого парцеллята): *Пришел домой. Открыл дверь. Понюхал. Закрыл. Пошел в огород* (РР. 2015. № 21); <пожилой человек сперва отказался принимать гуманитарную помощь> *Скоро возвращается. Кланяется. Берет деньги. Берет манку. Плачет* (РР. 2015. № 24).
  - 2) Изобразительная (создание мозаичности пространства): *Тянутся по черневище заборы. Разбомбленные дома. Разбитая детская площадка* (РР. 2015. № 6).
  - 3) Характерологическая (в том числе для имитации разговорной речи): *Он, во-первых, исключительный. Не такой, как все. Замечательный. Хороший. Общительный. Аккуратный* (РР. 2015. № 14); *Не трать на меня время. Этих... спасай. Мо-ло-дых* (РР. 2015. № 13).
- Б) Информационно-разгрузочная: *Доктору Водолагину пришлось объяснять. Долго, регулярно, доходчиво, самыми разными способами. Каждой медсестре, каждому врачу, каждой санитарке. Что человек стоит на первом месте. Социальный статус – на втором* (РР. 2015. № 13).
- В) Оценочная, обычно служащая для передачи иронии или сарказма (1), но могущая быть приёмобразующим игровым «мостиком» для введения в текст шутки или каламбура (2):
- 1) *Администрация должна бы в такой ситуации возить воду. Она и вправду пригнала целую цистерну. Целый один раз* (РР. 2015. № 13).
  - 2) *В лучшем случае пошлют. Либо в пресс-службу, либо подальше* (НГ. 2018. № 119) – данный пример можно рассматривать как проявление иронии, особенно с учётом общего содержания публикаций «Новой газеты», однако нам представляется, что он менее резок по тональности, менее связан с конкретной ситуацией и более похож именно на шутку общего содержания, чем пример (1).
- Г) Подтекстовая (создаёт ощущение недосказанности): *Правда, скорее по общей инерции и под киевскую копирку, чем посредством местной самодеятельности. Но все же* (РР. 2017. № 1).
- Д) Логико-когнитивная, имеющая важность с точки зрения способа представления информации (особенно при парцеллировании сложного предложения на простые предложения):

- 1) Выделительная: *Это длилось три года. Один рабочий бросился от безысходности в ствол. Другой повесился, в предсмертной записке попросил отдать зарплату жене* (НГ. 2016. № 94).
- 2) Семантическая (противоречивость контекста, сопоставление, противопоставление): *Пришлось бы в ней уходить в лес, чтобы встать в оппозицию силе? Или примыкать к силе, чтобы победить в себе страх перед ней? Или, не желая выбирать между двух сил меньшую, просто лежать, дыша лишь чуть-чуть?* (РР. 2015. № 14).
- 3) Уточняющая или поясняющая (содержит дополнительную информацию): *Я тут сидела, он так вот напротив, а сбоку, как вы сидите, секретарь его. И камера* (НГ. 2017. № 31); *МЧС не хотели искать нормально. Без сердца искали. И нам зайти не давали. Но мы не послушали и зашли, потому что там земляки наши и родственники. Сами искали. До трех ночи* (НГ. 2018. № 119).
- 4) Итогово-обобщающая: *Хочу потом свой дом купить. Ну и машина чтобы была. И семья нормальная* (НГ. 2017. № 97).

Наконец, отметим, что в парцеллированных конструкциях в журнале «Русский репортёр» вместо обычной в таких случаях точки между базовой фразой и парцеллятом достаточно активно применяются другие пунктуационные знаки, что также повышает экспрессивность текста:

- 1) Восклицательный знак:

Прекрасная писательница, прекрасный стиль, прекрасное чувство композиции, но отвратительная баба! Людоедка! Прекрасный стилист! Мастер! (РР. 2016. № 10); *Здесь ничего стратегического нет! Только дворец культуры рядом. Школа! Магазин! Детский сад! Парикмахерская!* (РР. 2015. № 10). За счёт восклицательного знака интонация резко уходит вверх, позволяя в конкретной ситуации увидеть за ней возглас и восторга, и возмущения, и иронии, и даже эмоциональной обречённости.

- 2) Вопросительный знак:

– Что они у вас экономят? Воду? Дрова? Не знаете? – спрашивает нас сириец (РР. 2017. № 1).

Психологию дружбы? Чи ні? Суперництва? Сімейною історією? Історією кохання і розчарування? Алегоріями? (РР. 2016. № 10) – в данном случае, несмотря на передачу украинской речи, что само по себе придает материалу политизированность, перед нами обычное обращение лектора к студентам с вопросами о том, что им больше всего запомнилось в книге.

- 3) Многоточие:

Он еврей... ирландец... католик... мусульманин... он – все! (РР. 2015. № 15) – многоточие в данном примере передает длительную паузу, за которой стоит напряжённое размышление интервьюируемого. Таким образом цепочка номинаций, завершающаяся восклицательным обобщением и поделённая

многоточием на акцентированные отрезки, несёт сильную семантическую нагрузку.

Так повелось. Собака для якута – транспорт... был... ну и член семьи... остался... (РР. 2017. № 14) – здесь перед нами передача рассуждений героя, сбой при развитии его мысли, требующие усилий для поддержания смыслового единства.

4) Эмфатическое тире, придающее речи эмоциональную выразительность за счёт ритмического паузирования:

В темной воде пруда отражаются фонари, отсюда не видно ни защитников парка, ни охранников стройки – и здесь мне подумалось, что можно понять и тех, и других (РР. 2015. № 20); *Я уехал потому, что тогда, в 1998 году, у меня здесь не было возможностей нормально жить и работать, а там они могли появиться – и появились* (РР. 2015. № 21).

Текст – это единый, связанный по смыслу материал. Его расчленённость, как отмечает И.Р. Гальперин, всегда носит результат сознательной обработки автором текста [Gal'perin 1981: 50–86]. Здесь уместно вспомнить мнение М.Я. Дымарского о том, что текст не столько передает некую информацию, сколько упорядочивает и концептуализирует её сообразно авторскому отношению к тому вопросу, которому посвящен текст [Dymarskij 1999: 11–12]. Подобно тому, как членение текста на абзацы, сверхфразовые единства, конструкции с прямой речью и более крупные единицы (главы, подглавки) помогает актуализировать отдельные фрагменты текста путём их визуального выделения и сохраняет при этом единство произведения, так и парцелляция, дробя предложение на части и оказывая на адресата «ассоциативно-прерывистое воздействие» [Ш'енко 2003: 352], создаёт своеобразный синтаксический шов, который не нарушает цельность и связность текста. Посредством парцелирования отдельным фрагментам репортажа и репортажу в целом придаётся особая тональность, определяющая коммуникативные (воздействующие) свойства журналистского текста социального содержания.

Литература

- Akimova G.N., 1990, *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo âzyka*, Moskva: Vysšaâ škola.
- Ârceva V.N. (ed.), 1990, *Lingvističeskij ènciklopedičeskij slovar'*, Moskva: Sovetskaâ ènciklopediâ.
- Arutûnova N.D., 1976, *Predloženie i ego smysl: logiko-semantičeskie problemy*, Moskva: Nauka.
- Berežnaâ M.A., 2009, *Problematika social'noj sfery v televizionnoj žurnalistike: aktualizaciâ pozitivnogo diskursa*, Sankt-Peterburg.
- Bogoâvlenskaâ Ū.V., 2014, *Vopros ob ob'eme ponâtiâ «parcellâciâ» v sovremennoj lingvistike, Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 3, pp. 24–28.

- Bogoâvlenskaâ Ū.V., 2015, Parcellirovannye konstrukcii kak sintaksičeskij èksplikator sub'ektivno-modal'nyh značenij (na materiale gazetnyh tekstov), *Političeskaâ lingvistika*, 2 (52), pp. 130–136.
- Cumarev A.È., 2003, *Parcellâciâ v sovremennoj gazetnoj reči*, Moskva.
- Dymarskij M.Â., 1999, *Problemy russkogo tekstoobrazovaniâ: sverhfrazyj uroven' organizacii hudožestvennogo teksta*, Sankt-Peterburg.
- Dzâložinskij I.M., 2002, Kakaâ žurnalistika mozet sčitat'sâ social'noj? [in:] N. Puškina (ed.), *NKO i SMI: mostik čerez propast'*, Moskva: Agenstvo social'noj informacii, pp. 19–39.
- Frolova T.I., 2003, *Social'naâ žurnalistika i eë rol' v obšestvennom dialoge*, Moskva: Pul's.
- Gal'perin I.R., 1981, *Tekst kak ob'ekt lingvističeskogo issledovaniâ*, Moskva: Nauka.
- Gurevič S.M., 2004, *Gazeta: včera, segodnâ, zavtra: učebnoe posobie dlâ vuzov*, <http://evartist.narod.ru/text10/01.htm>; 5.05.2020.
- Il'enko S.G., 2003, O semantičeskom «radiuse dejstviâ» predloženiâ v tekste [in:] S.G. Il'enko, *Rusistika. Izbrannye trudy*, Sankt-Peterburg: Beresta, pp. 352–358.
- Ivančikova E.A., 1977, Parcellâciâ, eë komunikativno-èkspressivnye i sintaksičeskije funkcii [in:] *Russkij âzyk i sovetskoe obšestvo: Morfologiâ i sintaksis sovremennoho russkogo literaturnogo âzyka*, Moskva: Nauka, pp. 277–301.
- Kopnina G.A., 2001, *Konvergenciâ stilističeskikh figur v sovremennoho russkom literaturnom âzyke (na materiale hudožestvennyh i gazetno-publicističeskikh tekstov)*, Krasnoârsk.
- Kormilicyna M.A., 2003, Èkspressivnye sintaksičeskije konstrukcii v sovremennoj presse [in:] *Problemy rečevoj komunikacii: mežvuzovskij sbornik naučnyh trudov*, 3, pp. 55–62.
- Kožina M.N. (ed.), 2003, *Stilističeskij ènciklopedičeskij slovar' russkogo âzyka*, Moskva: Flinta, Nauka.
- Krojčik L.E., 2000, Sistema žurnalisticheskikh žanrov [in:] S.G. Korkonosenko (ed.), *Osnovy tvorčeskoj deâtel'nosti žurnalista*, Sankt-Peterburg, <http://evartist.narod.ru/text5/64.htm>; 20.05.2020.
- Malinovič Ū.M., 1989, *Èkspressiâ i smysl predloženiâ: Problemy èmocional'no-èkspressivnogo sintaksisa*, Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.
- Moskal'skaâ O.I., 1981, *Grammatika teksta*, Moskva: Vyssââ škola.
- Padučeva E.V., 2004, *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost' ū*, Moskva: Editorial URSS.
- Pinegina Â.N., 2005, *Parcellirovannye konstrukcii i ih komunikativno-pragmatičeskije funkcii v sovremennyh mediatekstah*, Rostov-na-Donu.
- Skovorodnikov A.P., 1978, O klassifikacii parcellirovannyh predloženiij v sovremennoho russkom literaturnom âzyke, *Filologičeskije nauki*, 2, pp. 60–64.
- Skovorodnikov A.P., 1980, O funkciâh parcellâcii v sovremennoho russkom literaturnom âzyke, *Russkij âzyk v škole*, 5, pp. 87–89.
- Skovorodnikov A.P. (ed.), 2014, *Èffektivnoe rečevoe obšenie (bazovye kompetencii): slovar' -spravočnik*, Krasnoârsk: Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta.
- Šmelëva T.V., 1988, *Semantičeskij sintaksis*, Krasnoârsk: Izdatel'stvo Krasnoârskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Švedova N.Ū., 1960, *Očerki po sintaksisu russkoj razgovornoj reči*, Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Švedova N.Ū. (ed.), 1970, *Grammatika sovremennoho russkogo literaturnogo âzyka*, Moskva: Nauka.

- Ůngerova O.V., 2010, Parcellirovannaâ konstrukciâ kak mikrotekst, *Vestnik Āelâbinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Seriâ: Filologiâ i iskusstvovedenie*, 7, pp. 330–336.
- Valgina N.S., 2003, *Sovremennyj russkij âzyk: Sintaksis*, Moskva: Vysšââ škola.
- Zoidze È.A., 2012, Rol' parcellirovannyh konstrukcij v analitičeskom gazetnom tekste (na materiale russkogo i anglijskogo âzykov), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 5, pp. 67–72.